

в ближайшее словесное окружение исходные лексемы. Такие новообразования призваны эмоционально «раскрасить» текст, придать ему определенную долю необычности (чтобы было не скучно читать), но в то же время их семантика и способ производства должны быть доступны, понятны. Кроме того, создание подобных слов, способы их введения в текст нацелены на имитацию живой, непринужденной речи, где слово рождается вдруг, спонтанно и тут же расшифровывается.

В целом активные способы деривации, используемые в текстах массовой литературы, отражают те тенденции, которые свойственны словообразованию современного русского языка рубежа XX-XXI вв.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.
2. Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007.

С.А. Хромова

*Педагогический институт
Саратовского государственного
университета*

СТАНДАРТНОЕ И НЕСТАНДАРТНОЕ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ: НОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВО⁶

Как известно, Н.М. Шанский четко разводил два явления процесса деривации: словообразование и словопроизводство. Под словообразованием, по мысли ученого, понимается процесс, в котором лексические единицы возникают «...сами по себе, в процессе их употребления, независимо от сознательной словотворческой деятельности человека» [Шанский 2007: 227]. Длительные употребления лексических единиц приводят к тому, что последние, сливаясь, образуют новое слово (типа: *сумасшедший, вперёдсмотрящий*). Словопроизводство – качественно иное явление: это процесс, в ходе которого, «используя сложившиеся в языке приемы и правила, человек намеренно для именованя новых предметов, явлений или в силу неудовлетворенности старыми названиями, создает из существующего языкового материала новые слова» [Там же: 227].

Разводя понятия «словообразование» и «словопроизводство», Н.М. Шанский подчеркивает, что процесс образования нового слова в этих двух процессах происходит неодинаково: если в результате собственно словообразования новые слова образуются «сами по себе», то в результате

---

⁶ Работа производится при поддержке РГНФ, проект № 09-04-00193а.

словопроизводства прежде возникают «слова», речевые образования, «словные морфемосочетания, либо словные семантемы», которые лишены одного из главных признаков слова – воспроизводимости [там же: 227]. Такие речевые образования Н.М. Шанский именует **вербоидами**. С течением времени вербоид может стать или не стать каноническим словом, но любое производное слово проходит стадию окказиональности, то есть определенное время существует в речи в качестве вербоида. Следует, вероятно, упомянуть, что термин «вербоид» в лингвистике имеет иное значение помимо упомянутого: вербоидами нередко именуют причастие и деепричастие как особые формы глагола. Возможно, именно поэтому в науке предпочитается другой термин: **окказиональное слово**. Тем не менее, мы считаем, что применительно к словопроизводству термин «вербоид» удачен: он обозначает «слово», речевое образование, которое существенно отличается от слова канонического.

Вопрос о различиях слова и вербоида особенно актуален при изучении индивидуально-авторского словотворчества. Напомним, что в научной литературе словотворчество, как правило, понимается как процесс создания автором новых речевых образований, служащих для: 1) названия новых реалий (например, новообразование И. Северянина *рифмодиссо* – название одной из поэтических форм), 2) реализации стилистических задач (таких новообразований, видимо, большинство), 3) выражения в краткой форме того, что в языке дается описательно (его же: *волособлонды*) и др. В научных работах, посвященных словотворчеству, как правило, подчеркивается, что такого рода речевые образования «живут» в контексте, не претендуя на то, чтобы занять место в лексической системе языка; они не воспроизводятся и, следовательно, остаются вербоидами.

Возникает вопрос: что отличает индивидуально-авторское новообразование (окказиональное слово, вербоид) от слова и что роднит эти два феномена?

Дать емкое и, в то же время, компактное определение слову – задача сверхсложная. Неслучайно поэтому, что многие ученые предпочитают определять слово опосредованно, через перечень присущих ему признаков. Обычно при описании слова указываются следующие, наиболее значимые, его признаки: 1) фонетическая оформленность, 2) семантическая валентность, 3) непроницаемость, 4) недвуударность, 5) лексико-грамматическая отнесенность, 6) постоянство звучания и значения, 7) воспроизводимость, 8) цельность и единообразность, 9) преимущественное употребление в сочетаниях слов, 10) изолируемость, 11) номинативность, 12) фразеологичность [см. Шанский 2007: 21].

Индивидуально-авторское новообразование в отличие от канонического слова также обладает своим рядом признаков, что неоднократно подчеркивалось в работах А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, В.В. Лопатина, О.Г. Ревзиной и др. Как правило, дифференциальные признаки индивиду-

ально-авторских новообразований сводятся к следующему перечню: 1) словообразовательная производность, 2) принадлежность к речи, 3) индивидуальная принадлежность, 4) разовость употребления, 5) невоспроизводимость, 6) ненормативность, 7) экспрессивность, 8) номинативная факультативность.

Разумеется, этот список можно было бы дополнить: индивидуально-авторское новообразование, как и слово, фонетически оформлено, способно сочетаться с другими словами в тексте по смыслу и грамматически, непроницаемо, недвуударно и т.д., но все эти признаки являются интегрирующими для новообразования и канонического слова.

Обладающие своими наборами дифференциальных признаков, слова и индивидуально-авторские новообразования по логике вещей должны строго разграничиваться. Это, как правило, и происходит. Мы, например, с большой степенью уверенности можем сказать, что новообразование И. Северянина *проборчатый* (от *пробор*) или новообразование К. Бальмонта *безглагольный* (где *глагол* употребляется в значении 'слово') – вербоиды с точки зрения языковой системы, тогда как *бахромчатый* или *безуспешный* – слова, входящие в лексический состав языка. Мы утверждаем это, несмотря на то, что лексические единицы в парах *проборчатый* – *бахромчатый* или *безглагольный* – *безуспешный* «скроены» по одному и тому же образцу: по данным Академической грамматики, и индивидуально-авторское новообразование И. Северянина *проборчатый* («...*проборчатый*, *офранченный картавец*...»), и каноническое слово *бахромчатый* имеют словообразовательное значение 'обладающий внешним признаком, названным мотивирующим существительным', а новообразование К. Бальмонта *безглагольный* («*безглагольно глубокое дно*...»), так же, как и каноническое слово *безуспешный*, имеет значение отсутствия того, что названо мотивирующим существительным.

Однако на практике нередко выясняется, что не каждое индивидуально-авторское новообразование обладает полным набором признаков, отличающих его от канонического слова. Это заставляет нас в значительной мере пересматривать свои взгляды на индивидуально-авторское новообразование как нестандартное (в отличие от канонического слова) явление в речи.

Наиболее уязвим, на наш взгляд, **признак ненормативности**. Вербоид может быть вполне «грамотным», если рассматривать его в словообразовательном аспекте. Так, например, вполне нормальны с точки зрения соответствия словообразовательным стандартам новообразования И. Северянина *безлучье* (*без-* + *луч* + *-j(e)*), *безгрезье* (*без-* + *грез-* + *-j(e)*): достаточно будет сравнить их с каноническими словами *безводье*, *безвременье*, *безделье*. Все эти лексические единицы созданы по одной словообразовательной модели: *без-* + *основа существительного* + *-j(e)*. В результате получается слово со значением отсутствия того, что названо мотивирующим су-

ществительным. В таких случаях «ненормативность» вербоида по существу заключается лишь в том, что действующая в языке словообразовательная модель получает новое лексическое наполнение.

На фоне таких «нормативных» новообразований, естественно, будут выделяться новообразования, созданные со структурным или семантическим нарушением модели. Например, новообразование Северянина *байкальчатый* («...байкальчатого озера...») нельзя в полном смысле назвать нормативным: обычно прилагательные с суффиксом *-чат(ый)* не мотивируются именами собственными.

Иногда автор создает новообразование и по новой, им же созданной модели. Так, например, явно ненормативными являются новообразования Северянина *ало́за* и *крэ́моза* («Несу фиалки и мимозы, / Алозы, розы и крэмозы...»). Исходя из контекста, можно предположить, что новообразования *ало́за* и *крэ́моза* созданы по созвучию с присутствующим в том же контексте узуальным словом *мимоза*. В слове *мимоза* *-оз-* – это часть корня, Северянин же, создав каскад окказионализмов (термин Е.А. Земской) с финалью *-оз(а)*, практически превращает *-оз-* в суффикс. Таким образом, фактически можно говорить о трех степенях нормативности / ненормативности (окказиональности) индивидуально-авторского новообразования: 1) новообразования, созданные в соответствии со словообразовательными стандартами, 2) новообразования, лишь частично воспроизводящие правила словообразовательного узуса, и 3) новообразования, условно определяемые как «не опирающиеся» на языковой словообразовательный узус [см. Хромова 2007: 6-7]. При этом новообразований первого типа, как правило, больше. Итак, во многих случаях так называемая «ненормативность», нестандартность вербоида – понятие весьма относительное: ненормативность в лексике и ненормативность в дериватологии отнюдь не тождественны. Так, например, вряд ли можно назвать ненормативными с точки зрения словообразовательных стандартов индивидуально-авторские новообразования *звездность*, *беспланетный*, *многопенный*, *стеклокрылый*, *бестревожно* К. Бальмонта или *прямоть*, *весень*, *юнь*, *картиночный*, *бутончатый*, *олунить* И. Северянина, и множество других вербоидов этих и иных авторов. Тем не менее, они воспринимаются как нечто непривычное, нетрадиционное и не входят в языковой узус.

Признаки невоспроизводимости и разовости употребления сдают позиции в тех случаях, когда одно и то же индивидуально-авторское новообразование употребляется в нескольких контекстах. Так, например, *влажь* И. Северянина используется как минимум три раза: 1) «...аккуратно вытер / Отроманировавший немец пыль и *влажь*»; 2) «...где моря *влажь* милей, чем твердь»; 3) «Нас безлошадий экипаж / Вез через горы, через *влажь*».

Новообразование *хрупот* употребляется по меньшей мере в двух контекстах: 1) «У ограды монастырской столбенел зловеще инок, / Слыша в

хрупо́те коляски звуки «нравственных пропаж»; 2) «...их слова заглушаются *хрупо́том* шин».

Еще более яркий пример – новообразование *поэ́за*, которое в словотворчестве И. Северянина очень частотно: свои лирические стихотворения Северянин предпочитал называть именно так («*Поэ́за* лесной опушки», «*Поэ́за* о вальдшнепе и зайчике», «*Опечаленная поэ́за*», «*Предостерегающая поэ́за*» и др.).

Приведенные примеры – а их на самом деле множество – наводят на мысль, что признак воспроизводимости / невоспроизводимости новообразований можно трактовать двояко:

- а) воспроизводимость / невоспроизводимость в языковой системе,
- б) воспроизводимость / невоспроизводимость в системе текстов автора-словотворца.

Вероятно, такая неоднозначная трактовка признака воспроизводимости / невоспроизводимости вербоида объясняется сложной природой текста, в котором и функционируют новообразования. Текст – «речевой продукт функционирования языковых средств, характеризующийся двойной системностью, в основе которой лежит не только ориентация на узус, но и на отражение картины мира автора как языковой личности, имеющей свой лексикон, семантикон, прагматикон» [Болотнова 2007: 109; см. также Кожина 1977: 43]. С этой двойной системностью мы и сталкиваемся, когда наблюдаем многократное появление одного и того же новообразования в текстах автора. Порой вербоид настолько укрепляет свои позиции в тексте, что на его основе автор создает новые вербоиды. Так, например, на базе новообразования *улыбный* («*Я – милый, белый, улыбный ландыш...*») И. Северянин создает новообразование-существительные *улыбь* («*Ты – сплошная хрупь, ты вся улыбь*»), а затем и новообразование-наречие *улыбно* («*Но к часу вечернему солнце / Улыбно уходит домой*»). Но, несмотря на то, что в авторском лексиконе новообразование *улыбный* явно закреплено, с точки зрения ориентации на узус оно является не словом, а вербоидом.

Другое дело – те индивидуально-авторские новообразования, которые в силу неких причин вошли в лексическую систему языка. Такие случаи, вероятно, нечасты, но встречаются в языке. Так, например, каноническим словом стало индивидуально-авторское новообразование И. Северянина *безда́рь* («...обнаглевшая *безда́рь*...»). Уже в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н.Ушакова мы находим соответствующую словарную статью, в которой, правда, указан автор слова. В толковых словарях, изданных позднее (например, «Словаре русского языка» в четырех томах), значение слова *безда́рь* дается уже без указания автора, что свидетельствует о том, что новообразование, пройдя стадию вербоида, было принято лексической системой языка.

Признак индивидуальной принадлежности, несмотря на его кажущуюся очевидность применительно к словотворчеству, зачастую проявля-

ется весьма неоднозначно. Квалифицируя некое «слово» как индивидуально-авторское новообразование, мы вынуждены руководствоваться принципом «его нет в словарях». Между тем понятно, что даже самые объемные толковые словари не включают в себя всего лексического состава языка. Чтобы абсолютно точно установить авторство, мы должны были бы, вероятно, иметь исчерпывающие данные по **всей** совокупности речевых произведений (причем как в устной, так и в письменной форме) **всех** носителей русского языка, что, разумеется, невозможно. И все-таки, квалифицируя тот или иной вербоид как индивидуально-авторское новообразование, мы имеем в виду его индивидуальную принадлежность и даже с большой долей вероятности можем указать имя его автора.

На практике установить авторство бывает непросто. Дело в том, что одни и те же вербоиды могут встречаться в текстах разных авторов. Некоторые случаи таких повторов можно, пожалуй, объяснить личным знакомством авторов, или отношением одного автора к другому как «учитель и ученик», или принадлежностью их творчества к одному и тому же периоду литературного процесса или литературному течению. Именно так – хотя бы отчасти – можно, вероятно, объяснить наличие идентичных новообразований *сонь* в текстах Н. Гумилева («*Закричал громко-гласно в синечерную сонь на дворе моем красный и пернатый огонь*») и И. Северянина («*Какая сонь! Какая тишина!*»). Аналогичный пример – новообразование *сочь* в тексте И. Северянина («*Как сочь июльская, полна она желаний...*») и С. Есенина («*Бедна наша родина кроткая в древесную цветень и сочь...*»). Впрочем, даже в таких случаях, думается, «виноваты» и собственно лингвистические факторы: на наш взгляд, вполне справедливо замечание О.Г. Ревзиной о том, что такие идентичные новообразования в текстах разных авторов могут свидетельствовать об укорененности в сознании носителя языка самой словообразовательной модели [см. Ревзина 1998].

Некоторые случаи совпадения вербоидов в текстах разных авторов вообще сложно объяснить внеязыковыми причинами. Так, например, вербоид *ажурность*, которое мы имеем основание приписать И. Северянину («*Какая легкость и ажурность, / И соловейность, и краса!*»), по данным Национального корпуса русского языка, встречается и в некоторых современных нехудожественных текстах: («*Ажурность крон, хвойный и другой опад обуславливают высокую скорость пожарного созревания напочвенных горючих материалов*» или: «*Их орнаментальность и фактурность усиливает ощущение легкости и ажурности, исходящее от светлых или ярких растений, размещенных на дальнем плане*»).

Вряд ли можно исчерпывающе объяснить причинами, связанными с внеязыковой обстановкой, и возникновение вербоида *озерность* в стихотворении И. Северянина 1928 года («*Я вспомнил девушек в домах многоэтажных / И женщин с этою озерностью в глазах...*») и статье Г. Кружкова 1999 года («*Тематических параллелей найдется немало, кстати при-*

дутся и переводы, аллюзии из Саути, Вордсворта, Кольриджа... Можно рассмотреть пушкинскую *“озерность”* и в более широком, метафорическом плане»).

Таким образом, и признак индивидуальной принадлежности во многих случаях остается спорным.

Итак, мы рассмотрели признаки индивидуально-авторского новообразования в его отношении к каноническому слову. Из всего вышесказанного следует вывод о том, что, хотя вербоид обладает набором дифференциальных признаков, эти признаки не свойственны в полной мере каждому и любому вербоиду. В связи с этим, думается, закономерен вопрос: велики ли шансы вербоида стать словом? Н.М. Шанский в статье «Лексическая деривация в русском языке», в частности, пишет, что судьба вербоида неопределенна: он может стать, а может и не стать «классическим», «каноническим» словом, пройдя, как образно отметил ученый, «чистилице» окказиональности [см. Шанский 2007: 228].

Существуют ли закономерности перехода вербоида в каноническое слово, или же такие переходы случайны? Ответить на этот вопрос пока не представляется возможным, и, вероятно, это тема не для статьи. На сегодняшний день с полной уверенностью мы можем утверждать лишь одно: даже полное соответствие вербоида словообразовательным стандартам не гарантирует его закрепление в языковой системе. По всей видимости, ответ надо искать в осознании разной сущности понятий «лексика» и «деривация», «лексические стандарты» и «словообразовательные стандарты», но пока мы оставляем заявленную проблему открытой.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.
3. Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
4. Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Т.2. М., 1998.
5. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980.
6. Хромова С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту (на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
7. Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке // Н.М. Шанский. Лексикология современного русского языка. Изд. 3-е, перераб. Москва, 2007.

А.Д. Левицкая

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ
И КОНФИКСАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РУССКОМ